

Научная статья

УДК 304.444

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.5>

EDN PSTQBC

Социальный инженер: перспективы институционализации социального статуса в цифровой реальности**Валентин П. Бабинцев**¹¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

г. Белгород, Россия

e-mail: babintsev@bsueudu.ru

Яна И. Серкина²² Белгородский государственный национальный исследовательский университет

г. Белгород, Россия

e-mail: serkina_ya@bsuedu.ru

Максим О. Дерин³³ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

г. Белгород, Россия

e-mail: derin-m@mail.ru

*«Нексиализм? Что это такое?»**«Прикладная наука обо всем»,**- объяснил Гросвенор**и переступил порог.**Альфред ван Вогт «Черный хищник»***Аннотация.**

Введение. В статье рассматривается проблема поиска эффективных способов управления общественными процессами в условиях формирования цифровой гибридной реальности. Целью настоящей статьи является обоснование статуса социального инженера как самостоятельного полифункционального актора общественных изменений, имеющего конкретное поле профессиональной деятельности, успешное осуществление которой требует специальной подготовки.

Методы. В статье использованы общенаучные теоретические (сравнительный анализ, системный и институциональный подход) и прикладные (включенное наблюдение в ходе разработки социальных проектов в Белгородской области) методы.

Результаты. В качестве одного из наиболее перспективных предлагается подход, основанный на применении социальных технологий. Они представляют собой алгоритмически выстроенные операции и процедуры, направленные на упорядочение и оптимизацию общественных процессов. Специалисты, разрабатывающие и применяющие социальные технологии, определяются как социальные инженеры. В современном обществе целесообразна институционализация их статуса и включение в состав акторов, реализующих социальную политику. Ее многоуровневый характер дает основание для трех типов социальных инженеров: социальные архитекторы, социальные

проектировщики и социальные технологи.

Выводы. В настоящее время в социальном пространстве нет ни одного «игрока», который соединял бы усилия отдельных специалистов, обладая необходимой для этого концептуальной основой и институализированным статусом. Этот дефицит и должны будут восполнить социальные инженеры. Особенностью деятельности социальных инженеров является то, что, обладая компетенциями в различных сегментах социального пространства, они могут дополнить действующих здесь специалистов и «закрыть» возникающие в них ниши.

Ключевые слова: социальные процессы; социальные технологии; социальная инженерия; социальный инженер; социальный архитектор; социальный технолог; социальный проектировщик; социальное управление.

Для цитирования: Бабинцев В. П., Серкина Я.И., Дерин М. О. (2025). Социальный инженер: перспективы институционализации социального статуса в цифровой реальности. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), С. 70-87. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.5>

Social engineer: the prospects of institutionalization in digital reality

Valentin P. Babinsev¹

¹Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
e-mail: babintsev@bsueedu.ru

Yana I. Serkina²

²Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
e-mail: serkina_ya@bsuedu.ru

Maxim O. Derin³

³Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
e-mail: derin-m@mail.ru

*"Nexialism? What is it?"
"Applied science of everything",
Grosvenor explained
and stepped through the door.
Alfred van Vogt "The Black Predator"*

Abstract.

Introduction. The article discusses the problem of finding effective ways to manage social processes in the context of the formation of a digital hybrid reality. The purpose of this article is to substantiate the status of a social engineer as an independent multifunctional actor of social change, having a specific field of professional activity, the successful implementation of which requires special training.

Methods. The article uses general scientific theoretical (comparative analysis, systemic and institutional approach) and applied (included observation during the development of social projects in the Belgorod region) methods.

Results. An approach based on the use of social technologies is proposed as one of the most promising. They are algorithmically structured operations and procedures aimed at

streamlining and optimizing social processes. Specialists who develop and apply social technologies are defined as social engineers. In modern society, it is advisable to institutionalize their status and include them in the actors implementing social policy. Its multilevel nature gives rise to three types of social engineers: social architects, social designers, and social technologists. **Conclusions.** Currently, there is not a single "player" in the social space who would combine the efforts of individual specialists, having the necessary conceptual framework and institutionalized status for this. This deficit will have to be filled by social engineers. A special feature of the work of social engineers is that, having competencies in various segments of the social space, they can complement the specialists operating here and "close" the niches that arise in them.

Keywords: social processes; social technologies; social engineering; social engineer; social architect; social technologist; social designer; social management.

For citation: Babinsev V. P., Serkina Ya. I., Derin M. O. (2025). Social engineer: the prospects of institutionalization in digital reality. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), P. 70-87. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.5>

Введение

В области отечественного социально-гуманитарного знания проблема социальных технологий (СТ) стала всерьез обсуждаться в конце 1970-х - начале 80-х годов прошлого века. Несмотря на то, что истоки концепции заключались в идее социальной инженерии, разработанной К. Поппером, обсуждение ее первоначально воспринималось как экстраполяция на отечественную реальность выводов болгарских исследователей. Прежде всего, Н. Стефанова и М. Маркова. Книга первого из них «Общественные науки и социальная технология» была опубликована издательством «Прогресс» в 1976 году; второго – «Технология и эффективность социального управления» – в 1982 году, тем же издательством (Марков, 1982; Стефанов, 1976).

В России выводы болгарских авторов нашли своих сторонников только в начале 90-х годов прошлого века. Наиболее активно продвижением, а в некоторых отношениях, развитием их идей, занимались В.Н. Иванов и В.И. Патрушев. И несмотря на то, что многие из их работ первоначально носили учебно-методический характер (Иванов, Патрушев, 1999; Социальная инженерия... 1997), они «вводили» читателя в «мир социальных технологий».

Эта отрасль социально-гуманитарного знания оказалась весьма перспективной для изучения и формирования новой для России научной школы, центр которой в 90-е годы сместился в Белгород. Здесь он был поддержан ресурсами местных вузов и диссертационного совета, в котором в течение более 25 лет идут защиты диссертаций по проблемам теории и практики социальных технологий (Бабинцев, 2016). Признанными научными авторитетами в изучении этих проблем стали и остаются по настоящее время Н.С. Данакин и Л.Я. Дятченко. Стоит особо подчеркнуть – монографии Л.Я. Дятченко «Социальные технологии в управлении общественными процессами», изданная еще в 1993 году (Дятченко, 1993), и Н.С. Данакина «Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления» (Данакин, 1996) остаются непревзойденными по глубине анализа проблемы социальных технологий. На первую непременно ссылается практически каждый исследователь, разрабатывающий

проблематику социальных технологий, упоминается она практически во всех (весьма немногих) учебниках (Социальные технологии...2024; Лесина, Забокрицкая, 2021). Вторая, к сожалению, была издана Белгородским Центром социальных технологий тиражом всего 600 экземпляров, уже давно стала раритетом и за пределами области практически неизвестна.

Ситуация в области изучения социальных технологий к настоящему времени в научном измерении, безусловно, изменилась, но не в концептуальном отношении. Несмотря на широкое использование этого понятия, только несколько авторов более или менее регулярно публикуют работы, непосредственно посвященные проблемам социальных технологий и социальной инженерии (Щербина, 2014; Уржа, 2020).

Однако социальные технологии начали более или менее активно изучать в вузах. В некоторых из них созданы кафедры социальных технологий. Вполне естественным следствием этого стала подготовка учебных пособий. Три отечественных вуза: РУДН, Финансовый университет и Вятский государственный университет анонсировали подготовку по программе бакалавриата «Социальные технологии и социальная инженерия». Правда, РУДН и Финансовый университет, судя по информации, размещенной на их сайтах, отказались от ее реализации, но данное обстоятельство не отрицает актуальности программы, которую, вероятно, целесообразнее всего осуществлять как программу специалитета. Уровень бакалавриата представляется недостаточным для того, чтобы вчерашние школьники овладели знаниями и навыками, позволяющими им профессионально переустраивать общественные отношения. Возможно, социальных инженеров следовало бы готовить по программам магистратуры. Однако эта наша идея, как показал опыт, встречает критику коллег, которые правомерно указывают на то, что подготовка магистров в России превратилась в очередную симуляцию.

Здесь возникает и еще одна проблема: поскольку, социоинженерная деятельность должна реализоваться на разных уровнях, в перспективе возникнет необходимость готовить специалистов, обладающих различным объемом знаний и навыков. Вероятно, в перспективе это потребует дифференциации уровней подготовки, и ниже мы попытаемся сформулировать свое видение такой дифференциации. Но в настоящее время имеет смысл ставить решаемую при наличных условиях задачу – наладить подготовку специалистов, способных профессионально изменять общественные процессы, руководствуясь при этом не политической конъюнктурой или корпоративными интересами, но рекомендациями науки.

Задача эта представляется не просто важной, но необходимой, уже потому, что геополитический кризис, проявивший себя в российско-украинском приграничье в форме военных действий, выявил проблему дефицита специалистов, способных в ограниченных по месту и времени условиях находить оптимальные управленческие решения, работая при этом с большими массами людей и учитывая не только потребности «сегодняшнего дня», но и долгосрочные перспективы. Но именно этим должна заниматься социальная инженерия. Словарь «Социальные технологии», опять-таки изданный в свое время в Белгороде, определял ее как деятельность, связанную «с использованием знаний, полученных в фундаментальной науке, прикладных исследованиях, в практике для решения повседневных и перспективных задач

управления» (Социальные технологии: толковый словарь, 1995, 176). Особенность социальной инженерии, отличающая ее от других подходов к управлению, заключается в том, она предполагает осуществлять его посредством разработки и внедрения социальных технологий. В самом общем виде их можно определить как набор алгоритмически выстроенных операций и процедур, направленных на упорядочение и оптимизацию деятельности людей.

Обоснование необходимости применения социальных технологий с неизбежностью повлекло за собой постановку вопроса о субъекте их реализации.

Вполне очевидно, что разрабатывать и, по меньшей мере, сопровождать реализацию социально-технологических решений должны профессионально подготовленные люди. Их можно называть по-разному: социальные технологи; социальные инженеры; а в последнее время используют понятие «социальные архитекторы». Но всех случаях речь идет о профессионалах, способных выстраивать систему социальных отношений посредством рационально обоснованных, целенаправленных действий, реализуемых по аналогии с процедурами обработки сырья и материалов. Эти процедуры должны быть научно обоснованы, проверены опытом и скорректированы на основе анализа результатов.

Однако обсуждение проблем социальных технологий до последнего времени велось довольно абстрактно. Его участники, теоретически осмысливая необходимость идентификации субъекта социально-технологической деятельности, обычно не переводили разговор в практическую плоскость. Во-первых, общественная ситуация не требовала интенсивной мобилизации научной мысли и конвертации возникающих в данном контексте идей в организационные решения, да и сама возможность такой операции была сомнительной в условиях менеджеристской системы управления. Во-вторых, отечественная традиция социогуманитарного знания при рассмотрении общественных процессов опиралась преимущественно на квазирациональные мыслительные конструкты. В-третьих, сторонники концепции социальных технологий не могли не учитывать, что публичное поведение основной массы населения страны имеет не целерациональную, а, в лучшем случае, ценностно-рациональную природу, хаотично и может быть упорядочено в ограниченных пределах и весьма специфическим образом – посредством индоктринации базовой идеи. В-четвертых, пространство социального управления уже давно было поделено и «обжито» различными акторами, и появление нового становилось серьезным конфликтогеном.

Однако положение дел радикально изменилось вследствие прямого включения страны в геополитический вооруженный конфликт. Участие в нем потребовало избавления от неэффективных организационных форм, создания мобильных структур, способных работать в условиях гибридной реальности, где как объекты, так и субъекты управления приобретают характер нелинейных социобиотехнических систем (СБТ-систем) (Яницкий, 2018). При этом широкое внедрение цифровых технологий упростило обмен информацией, вывело ее за пределы технической сферы, сформировало класс новых инструментов влияния на человека и на модели его взаимодействия с природой и обществом. Информационные технологии в итоге стали главным «социопреобразующим» фактором.

Таким образом, усиливающаяся социальная нестабильность, помноженная на «цифровую революцию», перевели задачу упорядочения и оптимизации общественных процессов из области теоретических рассуждений в практическую плоскость и фактически пришлось вернуться к идее Пифагора о цифре как основании бытия. Этот возврат не следует считать чисто символической процедурой, поскольку он означает смену парадигмальных оснований человеческого мышления, переход его от (условно) «аналоговой» формы к «цифровой», контуры которой еще только начинают определяться, проявляясь, прежде всего, в процессах, создающих экзистенциальные угрозы для общностей и государств. Становится ясным: в конкурентной борьбе за ограниченные ресурсы победят те, кто быстрее и лучше других организует массовый переход в новую реальность.

Люди, ведущие за собой в данном направлении общество, – социальные инженеры, таким образом, превращаются в «сталкеров» этого перехода.

Целью настоящей статьи является обоснование статуса социального инженера как самостоятельного полифункционального актора общественных изменений, имеющего конкретное поле профессиональной деятельности, успешное осуществление которой требует специальной подготовки.

Результаты

Прежде всего, попытаемся определиться в используемых понятиях, что является довольно сложной задачей в условиях недостаточного объема эмпирических материалов, слабой проработанности теоретико-методологических аспектов темы и наличия сложившейся традиции рассматривать проблемы социальных технологий и социальной инженерии почти исключительно в рамках предметного поля социологии. И, хотя идея социальных технологий была сформулирована именно в социологической науке, сегодня ее рамки становятся тесными для дальнейшей разработки и предполагают использование возможностей других отраслей знания.

Предварительно заметим, что в настоящее время в практике управления отсутствует понятие, которым можно было бы определить специалиста по управлению социальными процессами. Парадокс в том, что в обществе реализуется социальная политика и имеет место социальное управление, но:

1) нет профессии, представители которой были бы специально ориентированы на осуществление этих видов деятельности. В ней участвуют люди, получившие самое различное образование и накопившие некоторый управленческий опыт. Правда, развивается так называемый социальный менеджмент, но он на практике рассматривается как один из элементов системы управления экономикой, а в теории предстает в качестве раздела менеджмента, ориентированного на управление в организациях социальной сферы (Ильенкова, 2008, 5). Следовательно, эта отрасль знания в лучшем случае лишь частично решает проблемы оптимизации социальных процессов на основе технологических процессов. К тому же менеджеристская парадигма управления изрядно скомпрометировала себя. «Российская бюрократия не только адаптировалась к менеджеризму, но и исказила его сущность. Менеджеризм дал российской бюрократии колоссальные возможности по манипулированию профессионалами, которые в условиях новой управленческой идеологии фактически

оказались в ранге придатка к «главным» действующим лицам – эффективным менеджерам» (Ковалев, Дятлов, 2023, 30; Дятлов, Ковалев, 2023);

2) при наличии общего понимания о широком спектре деятельности в сфере социальной политики ее часто сводят к социальному обеспечению и социальной защите, в то время как социальная инженерия предполагает решение более широкого круга задач. Недостаточность данного подхода проявляется, в частности, в поиске адекватной терминологии.

Как уже отмечалось выше, в последнее время в научной литературе и на практике для общей характеристики субъектов деятельности, направленной на оптимизацию общественных процессов, все чаще используются три взаимосвязанных и близких по значению понятия: «социальный инженер»; «социальный технолог»; «социальный архитектор». Мы полагаем, что они близки, но не тождественны. Но, чтобы понять соотношение между понятиями, надо ответить на два вопроса. Первый заключается в том, каков предмет деятельности этого специалиста? Второй – в каком сегменте общественного пространства он может реализовать свои способности, не подменяя и не отменяя функции уже действующих в настоящее время акторов?

Ответ на первый вопрос, казалось бы, очевиден. Объектом деятельности являются социальные процессы. Предметом – социальные технологии (СТ), понимаемые как процедуры и операции оптимизации общественных отношений и социоинженерные практики (СИП). При этом надо учитывать, что даже социальные технологии трактуются двояко – как специфическая область знаний и как набор социальных практик. Суть первой позиции (ее допустимо определить как когнитивную) наиболее четко представлена Л.Я. Дятченко, который дал определение социальной технологии как «специально организованной области знаний о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов» (Дятченко, 1993, 52)⁴.

Однако ограничение социальных технологий лишь сферой науки выглядит явно недостаточным. Они не менее важны и в своей практической ипостаси. В.В. Щербина пишет: «К числу немногих конвенционально согласованных представлений о феномене СТ сегодня можно отнести следующие: а) большинство связывают представление об СТ с решением практических задач социальной сферы; б) СТ относят к числу инструментальных средств, включающих в себя набор норм, предписаний и запретов, в совокупности выступающих в качестве поведенческих или деятельностных стандартов, задающих порядок и содержание действий людей в привязке к решаемой задаче или социальному процессу; в) свойства СТ выводят из содержания двух его составляющих – термина «технология» (хотя представления о свойствах технологии в разных авторских концепциях отличаются) и термина «социальность»; г) указывают на то, что любой из их типов применим к ограниченному перечню сфер и конкретному типу практических задач, решаемых в рамках социальной жизни (хотя обоснование ее специфики сегодня является проблемой)» (Щербина, 2014, 117). Эти позиции соответствуют, на наш взгляд, прагматическому подходу к интерпретации социальных технологий.

⁴ Данная дефиниция вполне приемлема и сегодня, разве что тезис об обновлении общественных процессов может быть дополнен ссылкой на их цифровую трансформацию.

Он наглядно сформулирован в учебном пособии для вузов «Социальные технологии» под редакцией И.Б. Орловой, где социальная технология определена как «социальное знание, трансформированное в конкретные модели практических действий – для достижения заранее определенных целей» (Социальные технологии..., 2024, 16).

Таким образом, социальный технолог одновременно мыслится как ученый, исследующий общественные процессы и как управленец-практик, то есть социальный инженер. Несомненно, обе диспозиции вполне могут быть соединены, поскольку являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. Классическим примером синтеза служит книга Ю.П. Сурмина и Н.В. Туленкова «Теория и практика социальных технологий» (Сурмин, Туленков, 2004).

Принимая идею подобного синтеза, мы полагаем, что специалист, объектом оптимизирующей деятельности которого является предельно широкий спектр общественных отношений, а предметом – социальные технологии, должен знать теорию социального управления, особенно тот ее раздел, который относится к технологиям управления, не «подстраивая» это знание под ситуативные интересы корпоративных структур, но совмещая его с владением практическими навыками разработки и реализации алгоритмически выстроенных процедур изменения социальной реальности.

Однако эта максима, провозглашенная, в частности, в качестве требования при защите диссертаций по специальности «Социология управления» в диссертационном совете по социологическим наукам в Белгородском государственном национальном исследовательском университете, оказалась в большинстве случаев трудно выполнимой. В настоящее время, если попытки алгоритмизации и предпринимаются соискателями, то обычно сводятся к довольно невнятным рекомендациям относительно общих задач или методов их решения. Все это нередко преподносится как внедрение технологий, понятие которых неоправданно расширяется. Технологиями в рамках такого подхода становятся любые методы и приемы целедостижения и решения общественных проблем (Современная западная социология..., 1990; Касавин, 2012).

В результате элиминируется главный отличительный признак социальной технологии – наличие алгоритмически выстроенных и распределенных по этапам процедур и операций, понятие процедуры подменяется отнюдь не тождественным ему понятием метода. Однако в некоторых (чаще всего учебно-методических) работах предпринимается попытка совместить оба подхода. Так Л.А. Лесина и Л.Д. Забокрицкая пишут: «Специфика технологии в том, что она алгоритмизирует деятельность и поэтому может быть многократно использована, тиражирована для решения сходных задач, достижения заданных результатов посредством профессиональной культуры». Но при этом они отмечают, что «социальная технология предстает в виде процесса оптимизации социального пространства, преодоления его разбалансированности на основе инновационного метода освоения социальной действительности» (Лесина, Забокрицкая, 2021, 29)

Безусловно, проблема соотношения метода управления и социальной технологии не проста. Очевидно, что, с одной стороны, каждый из этапов социальной технологии может отличаться от других методами реализации. С другой стороны, понятие метода является весьма близким понятию процедуры, так как в обоих случаях речь идет о порядке действий в конкретной ситуации. Но обращение к методам автоматически не

означает соблюдения требования действовать по алгоритму. Не всякий метод может быть разделен на этапы, а потому не может быть механически отнесен к классу социальных технологий, ибо требование этапности и последовательности является в данном случае обязательным.

Кроме того, необходимо учитывать сложность построения алгоритмов процессов социального управления. Тем более, если речь идет о так называемых гибких алгоритмах, или алгоритмах с ветвлением⁵. Поэтому чаще всего специалисты ограничиваются паллиативным решением проблемы. Эти, не доведенные до степени полной технологизации, модели, как показали исследования Е.В. Конищевой, могут быть определены в качестве прототехнологий (Конищева, 2023). Но они не могут быть отнесены к социальным технологиям в «чистом виде» и требуют специального анализа.

Однако проблемы оптимизации социальных процессов не сводятся к теоретическим аспектам. Более того, в настоящее время они выглядят даже не менее значимыми, чем теоретические. Среди практических аспектов проблемы выделяются два.

Первый связан с многоуровневым характером оптимизирующих практик. Этих уровней, по меньшей мере, три.

Во-первых, уровень социальной системы страны в целом или, по меньшей мере субъектов федерации; на нем должна решаться задача постоянной оптимизации ее структуры (если использовать модный тренд, – архитектуры). Пожалуй, это наиболее сложный уровень, поскольку сомнения вызывает сама возможность алгоритмизации управления макросоциальными процессами. Однако, если рассмотреть вопрос последовательно и системно, можно заметить – здесь возникают два главных препятствия. Первое видится в следующем: невозможно получить полную информацию и математически описать всю совокупность процессов в человеческом обществе. Тем более, что некоторые из них буквально сопротивляются формализации. Утверждение выглядит довольно убедительным, но все же – это чисто технические трудности, которые в обществе цифровых технологий в принципе могут быть преодолены.

Второе препятствие связано с указанием на отсутствие силы, способной по своему ресурсному потенциалу не «насильственным» (не революционным) путем менять макросистемы. Но аргументом против такого умозаключения является вывод, сформулированный в рамках синергетики, о том, что неравновесные системы в точках бифуркации могут модифицироваться при незначительных воздействиях.

На этом представлении базируется значительная часть футурологических литературных произведений, в которых «минимально необходимое воздействие» (МНВ) обеспечивает максимально ожидаемый результат. Свою версию решения задачи предложил, в частности, в свое время известный американский фантаст Айзек Азимов в книге «Конец вечности». И вряд следует относиться к таким идеям только как к утопическим проектам, тем более, что многие прогнозы писателя сбылись.

Во-вторых, уровень больших территориальных и иных общностей, предполагающий оптимизацию процесса разработки и реализации процессов социального проектирования их развития.

⁵ Насколько нам известно, в отечественной социологии впервые вопрос о разработке таких алгоритмов был поставлен И.В. Бурмыкиной (Бурмыкина, 2009).

В-третьих, уровень отдельных организаций, локальных (местных) сообществ, на котором оптимизируются их структура и повседневные практики.

С учетом этого деления субъекты, на практике реализующие идею оптимизации могут быть разделены на три типа: социальные архитекторы, социальные проектировщики и социальные технологи. В целом их вполне можно рассматривать как социальных инженеров – специалистов по выстраиванию оптимальной для сложившихся условий конфигурации социальной организации и ее последующего целенаправленного изменения.

С этих позиций и должен рассматриваться второй аспект проблемы – позиционирование социального инженера среди акторов, участвующих в управлении общественными процессами, которых достаточно много, и которым при институционализации его статуса необходимо будет «потесниться» в пространственном отношении и «поделиться» в ресурсном. Чтобы оценить перспективу решения этих задач, целесообразно, хотя бы в общем виде, представить себе распределение ролей других игроков, задействованных в этом сегменте социального пространства.

К числу основных акторов (статус некоторых из них институционализирован, положение других не имеет строгого институционального закрепления) относятся:

- государственные и муниципальные служащие; они осуществляют организующее и регулирующее воздействие на общество и его части, используя властные полномочия;
- социальные работники – их функции связаны с участием в практической реализации социальной политики в той ее части, которая предполагает социальное обеспечение, обслуживание и социальную защиту наименее обеспеченных групп граждан;
- менеджеры, область деятельности которых – управление организациями (в нашем случае – социальными организациями);
- политики и политологи – если первые участвуют в организации, распределении и использовании власти в обществе, то вторые обслуживают их интересы, выступая в качестве экспертов, специалистов по работе с общественным мнением, консультантов;
- социологи – их работа сводится к изучению общественных процессов; в идеальном варианте – к разработке рекомендаций для практиков⁶.

Каждый из этих специалистов занимает, таким образом, конкретную часть социального пространства⁷, оставляя другие сферы своим коллегам и зачастую не координируя с ними свои действия. Отношение представителей этих квазикорпораций

⁶ Отметим, что социологи, особенно практики, проводящие заказные исследования, весьма неохотно откликаются на предложения давать конкретные практические рекомендации заказчику. Так, в свое время в одном из интервью Г. Кертман (ведущий аналитик Фонда «Общественное мнение»), объяснял: «Недавно я столкнулся с совершенно анекдотическим проявлением этой тенденции. На обсуждении результатов нашего исследования не последний представитель министерства – что характерно, министерства образования и науки – произнес буквально следующее: «Вы что, считаете, что ваша задача – получить информацию, проанализировать ее – и все? А кто будет основное делать? Принимать управленческие решения? Кадровые решения? Кто будет делать практические выводы? Кто?» На полном серьезе. Отвечаю: «Извините, вы будете принимать. Потому что, вообще-то, государство – это вы. Если мы будем принимать управленческие решения – мы будем государством. Но мы будем плохим государством, менее эффективным». Но представитель министерства остался при своем мнении» (Данные опросов используют фатально..., 2013).

⁷ Иногда эти части сегментов совершенно произвольно накладываются друг на друга, что создает дополнительные проблемы для технологизации общественных процессов.

(а они вполне заслуживают такого определения в силу замкнутости на групповые интересы, специфики сознания и способов решения проблем) к перспективам преобразования социального пространства характеризуется односторонностью. Данное обстоятельство служит главным аргументом при объяснении того, почему нельзя ограничиться их обучением социальным технологиям, хотя этим, несомненно, надо заниматься. Но даже владея ими, корпоративные субъекты будут ограничивать сферу применения социальной инженерии пределами своей отрасли. К тому же существует риск обременения социально-технологического подхода заимствованными из «славного» прошлого квазикорпораций стереотипами и предубеждениями.

Обсуждение результатов

Наиболее значимой отправной точкой для организации научного дискурса по проблематике социальных технологий и социоинженерии является то, что превращение вопроса о воспроизводстве российской, в основе своей русской, православно-христианской цивилизации и культуры, в вопрос о ее выживании предполагает признание факта необходимости изменения принципов и правил социального строительства. Технология его должна быть передана в руки профессионалов, которые найдут наиболее эффективные способы практической реализации целей государства и утверждения традиционных ценностей.

В настоящее время в социальном пространстве нет ни одного «игрока», который соединял бы усилия отдельных специалистов, обладая необходимой для этого концептуальной основой и институализированным статусом. Этот дефицит и должны будут восполнить социальные инженеры.

Идея подобного универсального специалиста впервые была сформулирована не ученым, а американским фантастом Альфредом Элтоном ван Вогтом и получила свое воплощение в концепции «нексиализма» (от «нексус» – связь). Он определял нексиализм как науку «об упорядоченном соединении знаний одной области знаний со знаниями других областей» (Нексиализм Ван Вогта..., 2022).

Выполнить задачу такого соединения вполне способен социальный инженер, в той мере, в какой он, владея методологией системного анализа и обладая некими общими компетенциями в различных областях, может понять и дополнить действующих в них специалистов и ликвидировать пробелы, возникающие вследствие недостаточной эффективности межотраслевых связей. Ему не нужно быть «мастером на все руки». Достаточно уметь то, что пока не могут качественно выполнить «узкие специалисты» – видеть общую логику развития социальных процессов, прогнозировать их вероятные следствия и определять наиболее оптимальные способы решения проблем. Социальный инженер должен быть способен интегрировать усилия специалистов, работающих в разных сферах, в случаях, когда они могут дополнить друг друга. В частности, политики и политологи обычно недостаточно готовы к участию в практической социально-защитной деятельности. Пытаясь оказать конкретную помощь нуждающимся, они иногда выбирают далеко не лучшие варианты акций. В этом им могут оказать содействие социальные работники и волонтеры при условии их предварительной ориентации на такую помощь.

Профиль социального инженера должен определяться на основе диагностики проблемных полей в деятельности различных акторов, участвующих в оптимизации общественных процессов. И очевидно, что он будет модифицироваться по мере изменения социальной ситуации и накопления опыта. Нельзя исключить возможности, что в перспективе социальный инженер превратится в более универсального специалиста по регулированию социобиотехнических систем, за которыми, очевидно, стоит будущее.

Мы установили, что предметом деятельности социальных инженеров являются социальные технологии и социоинженерные практики. Они не включают в себя всю массу социальных действий, которые можно условно определить как «традиционные», учитывая крайне редкое до последнего времени применение алгоритмического подхода к преобразованию реальности в социальном управлении Россией. СТ и СИП среди прочих практик выделяются по ряду параметров:

- пределы использования. Применение СТ и СИП ограничивается стандартными ситуациями (например, ситуациями кризисного характера или же возникающими в ходе социальной мобилизации населения), они не предназначены для решения всего комплекса вопросов, которые могут возникнуть в процессе управления. Принципиально важно обоснованно определить те процессы, которые требуют технологизации, и те, где она представляется излишней и даже вредной;

- функции. Если большинство применяемых «традиционных» подходов в социальном управлении ориентированы на получение содержательного результатов, то СТ и СИП – на обеспечение структурно-организационных условий их достижения;

- субъекты. Субъектами «традиционных» процедур в управлении и регулировании социальных процессов может быть любой индивид или группа, СТ и СИП, если они не имитируются, требуют профессионально-компетентного подхода;

- критерии оценки результативности. В большинстве случаев социальные практики оцениваются по тому реальному эффекту, который они оказывают на жизнь граждан; при применении СТ и СИП не менее важным является формальное соответствие процедур изначально сформулированным и проверенным на опыте правилам.

Институционализация статуса социального инженера предполагает выполнение ряда формальных, но при этом необходимых требований:

- необходимым предварительным условием институционализации статуса социального инженера является институционализация социальной инженерии в качестве вида профессиональной деятельности, предметным воплощением которой является подготовка соответствующего профессионального стандарта;

- признание, что социальный инженер – это не хобби, не общественное поручение и даже не социальное служение, но специфическая профессия и одновременно официальная должность (несколько должностей) в системе публичного управления, учреждаемая официально при участии государственных, муниципальных и гражданских структур и занимаемая на основе оферты посредством конкурсных процедур;

- перечень этих должностей предполагает их нормативно-правовое закрепление применительно к каждому уровню общественной организации. Определение форм такого закрепления требует специального анализа, но, скорее всего, они должны быть установлены на местном уровне уставом муниципального образования; на уровне

субъекта РФ его Конституцией или уставами; ими же определяется численность социальных инженеров и, если необходимо, организационный статус (центр, агентство, совет и т.п.);

- социальный инженер несет ответственность за свои действия перед органами власти и институтами гражданского общества (их представителями могут быть общественные палаты) на уровне своей деятельности;

- в полномочия социального инженера должны входить: анализ проблемных ситуаций на любом уровне социальной организации, оценка вариантов их решения на основе критерия оптимальности; выбор максимально соответствующего оптимуму; определение необходимого для его реализации набора алгоритмов, участие в их реализации и рефлексия результатов.

Инструментами, обеспечивающими движение по этому маршруту, в каждом конкретном случае должны стать социально-технологические карты (СТК). Под картой мы понимаем стандартизированный документ, который содержит необходимые сведения, инструкции для выполнения последовательных процедур, направленных на оптимизацию какого-либо процесса.

При подготовке карты следует учитывать необходимость синхронизации технологических решений и действий на трех рассмотренных выше уровнях. На первом (начальном) карты должны включать в себя технологии, направленные на изменение рутинных практик, применяемых в повседневной жизни. На втором – алгоритмы преобразования условий жизнедеятельности отдельных общностей. Представляется, что подготовка карт применительно к этим уровням не создаст особых трудностей.

Но они возникают применительно к третьему, наиболее сложному уровню, на котором предполагается разработка и реализация технологий выстраивания архитектуры будущих социальных систем в виде моделей, описывающих состояние организаций, процессов и культурно-символических структур применительно к регионам или стране в целом. Важность этой работы, казалось бы, осознана властью. В России объявлен конкурс социальных архитекторов с целью поиска и отбора лучших специалистов в этой области. Однако уже на начальном этапе заметна попытка механически перевести в категорию социальных архитекторов бывших профессиональных политологов, лишившихся в силу ряда обстоятельств привычной сферы своей деятельности. Это компрометирует саму идею и отбрасывает общество далеко назад в отношении применения технологий в сфере социального строительства.

Институционализация статуса социальных инженеров имеет смысл, если на всех уровнях общественной организации они выступают не как приглашенные эксперты, а как непосредственные участники управленческого процесса. Они, по меньшей мере пока, не должны (да и не могут) сами принимать решения, но на всех этапах технологизации общественных процессов их предназначение – участвовать в ней, упорядочивая и синхронизируя изменения, интегрируя знания, при этом разделяя ответственность за полученные результаты.

Рассматривая проблему статуса социального инженера в обществе необходимо обсудить ее в чисто прагматическом плане, ответив на два вопроса: где найти ресурсы и где найти кадры?

Ответ на первый возвращает нас к вопросу о соотношении социологии и социальной инженерии. Сегодня во всех регионах в различных масштабах проводятся социологические исследования, тратятся значительные средства на так называемую «работу с общественностью». Общественная польза от этих практик очень часто сомнительна. В большинстве случаев они обслуживают интересы отдельных руководителей или элитных групп. Было бы целесообразно направить хотя бы часть расходуемых в ходе этих действий средств на развитие социальной инженерии. Опыт такой деятельности был накоплен в Белгородской области в период «доменеджеристского» управления и связан с разработкой и реализацией Программы улучшения качества жизни населения Белгородской области (2003 – 2008 годы) и Стратегии формирования регионального солидарного общества (2011 – 2025 годы). Во многом успешность их осуществления позволила региону до начала 20-х годов постоянно входить число лидирующих по показателю качества жизни субъектов Российской Федерации. Утрата позиций в последние годы связана со сменой руководства и с превращением области в «прифронтовой» регион в ходе специальной военной операции на Украине.

Проблема кадров социальных инженеров может быть решена путем включения ее в перечень профессий и организации обучения специалистов по этому направлению. Довольно ясно, что масштаб задач требует системного подхода к подготовке социальных инженеров и их последующего профессионального развития.

Заключение

Социальная конкуренция в современном обществе требует от общественных систем быть постоянно готовыми к изменениям, поиску оптимальных форм самоорганизации и самоуправления. К решению данной задачи необходимо подходить профессионально, максимально используя выводы и рекомендации не только социогуманитарных, но также технических и естественных наук. При этом не следует бояться нетрадиционных решений, в том числе найденных в прошлом, и по тем или иным причинам оказавшихся недостаточно востребованными. В полной мере это относится к социальной инженерии. Выводы, сделанные авторами этой концепции, сложившейся в общих чертах в прошлом веке, в условиях цифрового общества приобретают новые смыслы и могут быть применены для решения широкого круга задач на цифровом этапе развития. Особенностью его является возникновение феномена так называемой НБИКС-конвергенции, проявившейся во взаимодействии и взаимопроникновении нано-, био-, инфо-, когнитивных и социальных технологий – технологий принципиально нового класса, которые можно определить как конвергентные.

Их формирование меняет представления о содержании, субъектах и результатах социально-технологической и социоинженерной деятельности. И, возможно, впервые возникают условия для оформления социальной инженерии в самостоятельную отрасль деятельности и институционализации статуса ее субъекта – социального инженера. Пока трудно однозначно решить, в какой степени может осуществиться такая возможность. Но эта перспектива требует, по меньшей мере, профессионального обсуждения в среде специалистов.

Литература

- Бабинцев, В.П.* Белгородская школа исследователей социальных технологий / В.П. Бабинцев // Высшее образование в России. – 2016. – № 2. – С. 132 – 136. – EDN: VKPYMR
- Бурмыкина, И.В.* Управление формированием и развитием социально-технологической культуры современного менеджера / И.В. Бурмыкина. – Белгород: Издательство БелГУ, 2009. – 358 с. – ISBN 978-5-9571-0374-7.
- Данакин, Н.С.* Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления / Н.С. Данакин. – Белгород: Белгородский центр социальных технологий, 1996. – 271 с.
- Данные опросов используют фатально, катастрофически неправильно. Интервью с Г. Кертманом. ФОМ: Результаты опросов общественного мнения о политике, экономике и повседневной жизни россиян. 17.10.2013. – URL: <http://fom.ru/obshchestvo/11132>.
- Дятлов, А. В., Ковалев В. В.* Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджеристских инструментов / А. В. Дятлов, В.В. Ковалев // Вестник Института социологии. – 2023. – Том 14. – № 2. – С. 70–91. – EDN: RGIKSM. – <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.3>.
- Дятченко, Л.Я.* Социальные технологии в управлении общественными процессами / Л.Я. Дятченко. – Белгород: Центр социальных технологий, 1993. – 343 с.
- Иванов, В.Н., Патрушев В.И.* Социальные технологии. Курс лекций / В.Н. Иванов, В.И. Патрушев. – Москва: Московский государственный социальный университет «Союз», 1999. – 432 с. – ISBN 5-7139-0126-2.
- Ильенкова, С.Д., Кузнецов В.И.* Социальный менеджмент: учебно-методический комплекс / С.Д. Ильенкова, В.И. Кузнецов. – Москва: Издательский центр ЕАОИ, 2008. – 116 с.
- Касавин, И.Т.* Социальные технологии и социальные практики / И.Т. Касавин // Эпистимология и философия. Наука. – 2012. – Вып. XXXI. – № 1. – С. 52–55. – EDN: OZLUZT.
- Ковалев, В.В., Дятлов А.В.* Идеология менеджизма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // Вестник университета. – 2023. – № 7. – С. 24-32. – EDN: XGDYIY. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32>.
- Конищева, Е.В.* Регулирование взаимодействий субъектов образовательного пространства вуза в ситуациях профессионально-жизненных затруднений: автореферат диссертации... канд. социол. н. / Е. В. Конищева. – Белгород, 2023. – 21 с.
- Лесина, Л.А., Забокрицкая Л.Д.* Социальные технологии государственного и муниципального управления : учебное пособие / Л.А. Левина, Л.Д. Забокрицкая. – Екатеринбург: издательство Уральского университета, 2021. – 164 с. – ISBN 978-5-7996-3291-5.
- Марков, М.* Технология и эффективность социального управления: пер. с болг. / Марко Марков; под ред. и с предисл. Т. В. Керимовой. – Москва: Прогресс, 1982. – 267 с.
- Нексиализм Ван Вогта, или идея преимущества генералистского подхода. ЯндексДзен. 27.04.2022
URL:<https://dzen.ru/a/YmkNNAf28lLu0Wxn?ysclid=m5gkuuc7ae989044560>
- Современная западная социология : словарь / Сост. Давыдов Ю. Н. и др. – Москва : Политиздат, 1990. – 432 с. – ISBN 5-250-00355-9.

Социальная инженерия: учебно-методическое пособие для студентов социологического факультета / В.С. Дудченко, В.Н. Иванов, Ю.А. Крючков, Б.В. Матвеев, В.И. Патрушев, И.Л. Симоненко, О.А. Уржа, В.Н. Шаленко, В.В. Щербина. – Москва: МГСУ «Союз», 1997. – 38 с. – EDN: VWIOMR.

Социальные технологии : толковый словарь / под ред. В.Н. Иванова (отв. ред.) и др. – Москва : Луч; Белгород : Центр социальных технологий, 1995. – 309 с.

Социальные технологии: учебное пособие для вузов /под ред. И.Б. Орловой. – Москва: Юрайт, 2024. – 180с. – ISBN 978-5-534-18568-3.

Стефанов, Н. Общественные науки и социальная технология.: пер. с болг. / предисл. и общ. ред. д-ра техн. наук, проф. В. Г. Шорина. – Москва : Прогресс, 1976. – 250 с.

Сурмин, Ю. П., Туленков Н. В. Теория социальных технологий: Учеб. Пособие / Ю.П. Сурмин, Н.В. Туленков. – Киев : Межрегиональная академия управления персоналом, 2004. – 608 с. – ISBN 966-608-449-X.

Уржа, О.А. Социальная инженерия – методология социально-ориентированного управления / О.А. Уржа. – Москва: 4 Принт, 2020. – 100 с. – ISBN: 978-5-6043731-4-9.

Щербина, В.В. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние / В.В. Щербина // Социологические исследования. – 2014. – № 7. – С. 113–124. – EDN: SMHNTP.

Яницкий, О.Н. К проблеме модернизации гуманитарного знания / О.Н. Яницкий // Социологическая наука и социальная практика. – 2018. – Т. 6. – № 1 (21). – С. 7-22. – EDN: YTPTYP. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.1.5734>.

References

Babintsev V.P. Belgorod school of social technology researchers. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher education in Russia*. 2016; (2):132-136. (In Russ.).

Burmykina, I.V. Management of the formation and development of the socio-technological culture of a modern manager. *Belgorod: Izdatelstvo BelGU = Belgorod: BelSU Publishing House*; 2009. (In Russ.). ISBN 978-5-9571-0374-7.

Danakin N.S. Theoretical and methodological foundations of designing social management technologies. *Belgorod: Belgorodskii tsentr sotsialnikh tekhnologii = Belgorod: Belgorod Center for Social Technologies*; 1996. (In Russ.).

Dyatchenko L.Ya. Social technologies in the management of social processes. *Belgorod: Tsentr sotsialnikh tekhnologii = Belgorod: Center for Social Technologies*; 1993. (In Russ.).

Dyatlov A.V., Kovalev V. V. Efficiency of management of higher education in Russia in the practice of using managerial tools. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023; 14 (2): 70-91. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.3>.

Ilyenkova S.D., Kuznetsov V.I. Social management: An educational and methodological complex. *Moskva: Izdatelskii tsentr YeAOI = Moscow: Publishing Center of the EAUI*; 2008. (In Russ.).

Ivanov V.N., Patrushev V.I. Social technologies. A course of lectures. *Moskva: Moskovskii gosudarstvennii sotsialnii universitet «Soyuz» = Moscow: Moscow State Social University «Soyuz»*; 1999. (In Russ.). ISBN 5-7139-0126-2.

Kasavin I.T. Social technologies and social practices. *Epistimologiya i filosofiya. Nauka = Epistimology and philosophy. Nauka*. 2012; 31 (1): 52-55. (In Russ.).

Konishcheva E.V. Regulation of interactions of subjects of the educational space of the university in situations of professional and life difficulties. Abstract of the dissertation... cand. Sociol. n. Belgorod; 2023. (In Russ.).

Kovalev V.V., Dyatlov A.V. Ideology of managerism in Russian social institutions: education, science, health care. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*. 2023; (7): 24-32. (In Russ.). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32>.

Lesina L.A., Zabokritskaya L.D. Social technologies of state and municipal management : a textbook. *Yekaterinburg: izdatelstvo Uralskogo universiteta = Yekaterinburg: Ural Publishing House University*; 2021 (In Russ.). ISBN 978-5-7996-3291-5.

Markov M. Technology and effectiveness of social management: translated from English / Marko Markov; ed. and with a preface by T. V. Kerimova. *Moskva: Progress = Moscow: Progress Publ.*; 1982. (In Russ.).

Modern Western Sociology : A Dictionary / Comp. Davydov Yu. N. and others. *Moskva : Politizdat = Moscow : Politizdat*; 1990 (In Russ.). ISBN 5-250-00355-9.

Shcherbina V.V. Social technologies: the history of the emergence of the term, the transformation of content, the current state. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2014; (7): 113-124. (In Russ.).

Social engineering: an educational and methodological guide for students of the Faculty of Sociology / V.S. Dudchenko, V.N. Ivanov, Yu.A. Kryuchkov, B.V. Matveev, V.I. Patrushev, I.L. Simonenko, O.A. Urzha, V.N. Shalenko, V.V. Shcherbina. *Moskva: MGSU «Soyuz» = Moscow: MGSU Soyuz*; 1997. (In Russ.).

Social technologies : an explanatory dictionary / edited by V.N. Ivanov (ed.) and others. *Moskva : Luch; Belgorod : Tsentri sotsialnikh tekhnologii = Moscow : Luch; Belgorod : Center of Social Technologies*; 1995. (In Russ.).

Social technologies: a textbook for universities / edited by I.B. Orlova. *Moskva: Yurait = Moscow: Yurait*; 2024. (In Russ.). ISBN 978-5-534-18568-3.

Stefanov N. Social sciences and social technology.: translated from English / pre-disl. and the general editorship of Doctor of Technical Sciences, prof. V. G. Shorin. *Moskva : Progress = Moscow : Progress Publ.*; 1976 (In Russ.)

Surmin Yu. P., Tulenkov N. V. Theory of social technologies: Textbook. *Kiev : Mezhhregionalnaya akademiya upravleniya personalom = Kyiv : Interregional Academy of Personnel Management*; 2004. (In Russ.). ISBN 966-608-449-X.

Survey data is used fatally, catastrophically incorrectly. Interview with G. Kertman. FOM: Results of public opinion polls on politics, economics and everyday life of Russians 17.10.2013. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/11132> (accessed 12.10.2025). (In Russ.).

Urzha O.A. Social engineering – methodology of socially oriented management. *Moskva: 4 Print = Moscow: 4 Print*; 2020. (In Russ.). ISBN: 978-5-6043731-4-9.

Van Vogt's nexialism, or the idea of the advantage of a generalist approach. Jan-Dexdzen. 27.04.2022 URL:<https://dzen.ru/a/YmkNNAf28lLu0Wxn?ysclid=m5gkuuc7ae989044560>. (In Russ.).

Yanitskiy O.N. On the problem of modernization of humanitarian knowledge. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika = Sociological science and social practice*. 2018; 6(21): 7-22. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.1.5734>.

Дата получения рукописи: 13.10.2025
Дата окончания рецензирования: 18.11.2025
Дата принятия к публикации: 20.11.2025

Информация об авторах

Бабинцев Валентин Павлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия; e-mail: babintsev@bsuedu.ru

Серкина Яна Игоревна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия; e-mail: serkina_ya@bsuedu.ru

Дерин Максим Олегович – аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия; e-mail: derin_m@bsuedu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Babintsev Valentin Pavlovich – Doctor of Sciences in Philosophy, Professor of the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; e-mail: babintsev@bsuedu.ru

Serkina Yana Igorevna – Doctor of Sciences in Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Marketing, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; e-mail: serkina_ya@bsuedu.ru

Derin Maxim Olegovich – Postgraduate Student of the Department of Social Technologies and Public Administration Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; e-mail: derin_m@bsuedu.ru

The authors have no conflict of interests to declare